

Съёмки сегодняшнего выпуска почти закончились. Всем участникам дали время на отдых, и те, кто жил на третьем этаже виллы, уже разошлись по своим комнатам, принимая душ и готовясь ко сну.

Цун Цзиньюэ тоже поднялся к себе и переоделся. Незадолго до этого Е Цинлань пригласил его встретиться — у искусственной скалы во дворе, подальше от камер.

Он пришёл вовремя. Подняв глаза, увидел небо, чернильно-чёрное и усыпанное звёздами, а между ними — яркий, словно отполированный, круглый диск луны.

Значит, сегодня пятнадцатая или шестнадцатая лунного месяца — иначе луна не могла бы быть такой полной.

Е Цинлань стоял рядом, молча глядя в небо. Перед встречей он волновался, всё время переступал с ноги на ногу, тёр ладони, но теперь, когда они остались наедине, волнение будто рассеялось.

Возможно, именно это спокойствие и было одной из причин, почему он влюбился в этого человека.

— Юэ-гэ, — наконец нарушил тишину Е Цинлань, — ты ведь достаточно умен, чтобы понять, зачем я тебя сюда позвал.

— Понимаю, — спокойно ответил Цун Цзиньюэ, опуская взгляд. — На самом деле, я сам давно хотел поговорить с тобой.

Е Цинлань горько усмехнулся:

— Не потому ли, что я всё тянул и не говорил прямо, и ты просто не знал, как начать?

Цзиньюэ слегка улыбнулся, но не ответил. Лицо его оставалось бесстрастным, совсем не таким, как обычно. Е Цинлань вдруг почувствовал растерянность — какая же из этих сторон настоящая? Возможно, именно эта — холодная, рассудительная, почти безжалостная.

— Юэ-гэ, — тихо сказал он, — участие в шоу помогло тебе разобраться в чувствах?

— Да, — коротко ответил Цзиньюэ.

Значит, всё ясно.

Е Цинлань кивнул — теперь он понял. С самого начала, с первой записи шоу, Юэ-гэ даже не пытался дать ему ни малейшей надежды. Не использовал даже предлог сотрудничества.

Он стиснул зубы, кулаки дрожали, потом разжал руки и глубоко вдохнул.

— Юэ-гэ, ты не замечал? Твои фанаты и все остальные называют тебя Цун-гэ, а я — Юэ-гэ.

Цзиньюэ задумался и действительно вспомнил:

— Верно. А почему?

— Это, наверное, глупо... просто хотелось быть для тебя хоть немного особенным.

Цзиньюэ чуть нахмурился. Хотел что-то сказать, но передумал — боялся, что прозвучит как

нравоучение, хотя между ними всего пара лет разницы.

Он вздохнул и мягко произнёс:

— Цинлань... каждый человек уникален. Тебе не нужно делать ничего, чтобы быть особенным.

Но, сказав это, он сам понял, как неудачно прозвучали слова — будто свёл на нет чужие чувства. Поэтому поспешил добавить:

— Я хотел сказать, что ты должен ставить себя на первое место. Учись любить себя, а потом уже — других.

Он сам прекрасно понимал, что утешать людей у него получается из рук вон плохо.

— Ладно, ты, думаю, понял, о чём я, — наконец бросил он, потирая переносицу.

Вид у него был такой растерянный, что Е Цинлань вдруг улыбнулся. Ему редко удавалось увидеть Цун Цзиньюэ таким — значит, всё же он знал его не до конца.

— Цинлань, — тихо сказал тот, — я до сих пор не понимаю, за что ты меня любишь. Мы ведь почти не проводим время вместе. Я не сделал для тебя ничего особенного.

Е Цинлань замер, задумался, потом медленно ответил:

— Наверное, потому что я... всегда восхищался сильными людьми. Ты — очень талантливый, внимательный, умеешь заботиться. Помнишь нашу первую совместную сцену? Я тогда страшно волновался, боялся что-то сказать не так, держался скованно. А ты первым заметил это и подошёл поговорить.

— Не отнекивайся, — он тихо усмехнулся. — Тогда я был никем, никто не хотел даже заговорить со мной. А ты подошёл и спросил: «Реплику помнишь? Хочешь, пройдем ещё раз вместе?»

— В тот день... я впервые подумал, что встретить тебя — это удача. Может, я и влюбился потому, что ты слишком яркий. Ты — как свет, и я просто не мог не идти за ним.

Цун Цзиньюэ на мгновение опустил взгляд. Он говорил спокойно, но в глазах сквозила неловкость — отказ никогда не бывает лёгким.

— Ты — очень способный, Цинлань. И тебе не нужно быть кем-то другим. Возможно, ты не влюблён, а просто восхищаешься. В любом случае, мне стоило сказать это раньше. Я... не испытываю к тебе таких чувств. Не хочу, чтобы между нами строили фальшивый "проект", это было бы несправедливо для нас обоих.

Он помолчал, потом мягко добавил:

— Ты пойдёшь далеко. И да, я не стану притворяться и говорить, что ты обязательно превзойдёшь меня — я ведь тоже стараюсь не проигрывать никому. Но я искренне желаю тебе успеха.

Он подвёл итог, почти с улыбкой:

— Ты заслуживаешь кого-то лучше.

Е Цинлань усмехнулся, с ноткой иронии:

— Юэ-гэ, ты отказываешь так шаблонно, что я уже могу предсказать следующую фразу.

Они встретились взглядами. Улыбка Е Цинланя постепенно угасла, и он спокойно произнёс:

— Не переживай, я не из тех, кто навязывается. Раз всё сказано, я больше не буду тебя беспокоить. С этого момента я поставлю себя на первое место. Уверен, однажды встречу того, кто действительно меня оценит. А тебе — желаю встретить своего.

Он развернулся и ушёл. Его силуэт в лунном свете был полон решимости.

Цун Цзиньюэ остался стоять, повторяя про себя последние слова:

“Желаю встретить своего.”

Он?

Может, уже нет. Да и, наверное, не нужно.

Вдруг боковым зрением он заметил движение — край одежды и носок ботинка выглянули из тени у подножия скалы.

Цзиньюэ усмехнулся: Опять хвост?

— Учитель Чжан, — громко сказал он, — мы что, настолько связаны судьбой? Куда бы я ни пошёл — везде встречаю вас.

Из тени вышел Чжан Хуайсуй. В лунном свете его лицо казалось резким, словно выточенным из камня. Он выглядел немного неловко, голос звучал сухо:

— Просто случайность.

И действительно — он просто проходил мимо, случайно услышал голоса, узнал Цун Цзиньюэ... и почему-то не ушёл. Просто остался и выслушал всё.

Теперь чувствовал себя неловко.

Цзиньюэ, похоже, был спокоен. Он приподнял бровь и с нарочитой насмешкой протянул:

— Интересуешься моей личной жизнью, учитель Чжан? Может, ты тайно влюблён в меня? Спрашивай напрямую, я отвечу.

Чжан Хуайсуй лишь закатил глаза. Можно быть хоть чуть менее самовлюблённым?

— По крайней мере, — холодно заметил он, — у тебя хватило ума не “вредить” Е Цинланю.

Цзиньюэ рассмеялся:

— Кажется, вы меня недолюбливаете, учитель Чжан. Хотя, признаться, вы правы.

Он прищурился и добавил, уже с иронией:

— Но, знаете, сцена и правда знакомая. Разве это не напоминает ту самую — у музыкального зала, в университете?

Хуайсюй замер. Он прекрасно понял, о чём речь.

...

Семь лет назад, зимой, он ещё не окончил учёбу. Тогда он ухаживал за Шэнь Сином — гением факультета фотографии. Тот прославился на международном конкурсе и стал звездой университета: красивый, талантливый, мягкий характером. У него было много поклонников.

Хуайсюй впервые увидел его на лекции, где тот рассказывал о своих работах — о свете, тени и одиночестве. Его поразило не только мастерство, но и ощущение глубокой духовной близости.

После этого он начал искать поводы для встреч, разговаривал, писал сообщения, всё больше убеждаясь — вот тот, кто мне нужен.

Он узнал, что Шэнь Син часто бывает у музыкального зала, и однажды купил букет белых роз и жимолости. Было холодно, руки коченели, но он не обращал внимания. План был прост: дождаться, пригласить на ужин и признаться.

“Даже если ты меня сейчас не любишь — дай шанс. Я хочу ухаживать за тобой.”

Но когда подошёл к залу, всё рухнуло.

На сцене стоял Цун Цзиньюэ с гитарой и пел песню собственного сочинения — только для Шэнь Сина. Взгляд его был мягок, голос тёплый, а Шэнь Син стоял с камерой, улыбался и снимал его.

Всё вокруг будто исчезло — остались только они двое, и между ними — безмолвное, но явное чувство.

Когда песня закончилась, Цзиньюэ поднял взгляд и увидел Хуайсюя за стеклом. Тот стоял неподвижно, потом тихо бросил букет в мусорное ведро и ушёл.

После этого Цзиньюэ и Шэнь Син объявили о своих отношениях.

С тех пор между Хуайсюем и Цзиньюэ началась война.

Позже, при случайной встрече, Цзиньюэ, держа стакан горячего кофе, с усмешкой сказал:

— Теперь понял? Ему нравятся такие, как я. У тебя не было ни единого шанса.

Тогда Хуайсюй потерял самообладание. Если бы не друзья, сдержавшие его, они бы подрались прямо на месте.

...

Сейчас Цзиньюэ тихо рассмеялся — смех прозвучал глухо и зло.

— Что, учитель Чжан, неприятные воспоминания нахлынули? — он подошёл ближе, почти вплотную, чувствуя ледяное напряжение, исходящее от Хуайсюя. — Или всё ещё не понял, каких людей он на самом деле любит?

— Разве не так я тогда сказал? — добавил он, с ядовитой усмешкой.

Хуайсюй понял — Цзиньюэ не изменился. Всё тот же человек, которого он ненавидел тогда и,

кажется, продолжает ненавидеть сейчас.

Даже годы не стерли эту вражду.

— По правде говоря, — холодно бросил Хуайсуй, — я-то хотя бы вовремя вышел из этого фарса. А ты? Не жалеешь о том, что отдал? Не ненавидишь его?

Ненавидишь, что он любил тебя — но был трусом.

Что он предал, когда ты нуждался в нём больше всего.

— Ненавижу, — усмехнулся Цзиньюэ. — До безумия. Иногда думаю — убил бы его, если б мог.

Он сказал это спокойно, даже почти весело. Его улыбка была сумасшедшей — той, что бывает у человека, разучившегося чувствовать боль.

Любовь для него всегда была как лизнуть мёд с лезвия. И, может, именно поэтому, после того предательства, он больше не смог никого полюбить.

— Ты, кстати, должен мне сказать спасибо, — добавил он насмешливо. — В каком-то смысле я избавил тебя от страданий.

От его спокойствия по спине Чжан Хуайсюя пробежал холодок. В этих словах было что-то неестественное — будто Цзиньюэ действительно не ощущал боли, не знал стыда.

— Цун Цзиньюэ, — медленно произнёс он, глядя прямо, — тебе это кажется забавным?

— Просто констатирую факт, — с ледяной улыбкой ответил тот. — С твоим характером ты бы только сильнее пострадал.

У Хуайсюя вскипела злость. Он развернулся, не желая продолжать. Если бы остался ещё минуту — наверняка сорвался бы, как тогда, много лет назад.

Он ушёл, не оглядываясь.

А за спиной ленивый голос Цзиньюэ тянулся в темноту:

— Учитель Чжан, ты мне должен новую рубашку!

Хуайсуй чуть замедлил шаг и, не оборачиваясь, коротко бросил:

— Отвали.

Когда шаги стихли, на лице Цзиньюэ исчезла улыбка.

Он и сам не знал, зачем снова вскрыл старую рану. Может, просто не мог вынести жалости — даже от врага.

Он и Чжан Хуайсуй... всегда так: не могут быть рядом, но и окончательно отпустить друг друга — тоже.

Что ж. Пусть тогда не жалеет — пусть идёт с ним к чёрту.